

Киплинг

Меч Виланда

На лужайке, которую Дан и Юна избрали для своего театра, они разыгрывали перед тремя коровами сценки из комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь"[*1]. Из большой пьесы отец выбрал для них лишь несколько сценок, – и дети вместе с мамой разучивали их, пока не выучили наизусть. Начали с того, как ткач Ник Основа [*2], с ослиной головой на плечах, выходит из кустов и находит спящую Титанию, королеву фей. Затем они перескочили к моменту, когда Основа просит трех маленьких фей почесать ему голову и принести меду, а кончили, когда Ник заснул на руках Титании. Дан изображал и Пака, и Основу, и всех трех фей. Когда он был Паком, он надевал шапочку с торчащими ушами, а когда Основой – бумажную ослиную голову, которые выскакивают из рождественских хлопушек, – знайте, они легко рвутся, если с ними небрежно обращаться. Юна, в венке из полевых цветов и с волшебной палочкой, сделанной из стебля наперстянки, играла Титанию.

Лужайка, где находился театр, называлась Лонг Слип, или Длинная Коса, потому что с двух сторон ее огибал маленький ручеек. Пробегая дальше через два или три поля, ручеек вращал колесо мельницы. В самом центре этой излуины потемневшая трава образовывала большое, старое, волшебное Кольцо [*3], оно и служило сценой. В зарослях орешника, ивы и калины, росших вдоль ручья, было очень удобно ожидать своего выхода на "сцену". Взрослые, бывавшие тут, говорили, что сам Шекспир не мог бы найти более подходящей обстановки для своей пьесы. Детям, конечно же, не разрешили устраивать представление в саму ночь на Иванов день, и они, захватив с собой ужин – сваренные вкрутую яйца, соль, сдобные булочки, – отправились туда сразу после обеда, когда тени начали расти. Трех коров недавно подоили, и теперь они спокойно паслись, пощипывая траву, да так, что треск стоял на всю поляну, а работающая вдали мельница стучала, словно босые пятки по твердой земле. Сидевшая на воротах кукушка, по-июньски сбиваясь, пела свое "ку–ку, ку–кук–к", а пегий зимородок с деловым видом перебирался через лужайку к ручейку.

Больше ничто не нарушало тягучий, сонный покой, пахнувший медуницей и высохшей травой.

Пьеса шла прекрасно. Дан помнил все свои роли – Пака, Основы и трех фей, – Юна не забыла ни единого словечка роли Титании; она ничего не перепутала даже в том трудном месте, где Титания поучает своих фей, как кормить Основу "инжиром, абрикосами и ежевикой", и дальше все запутанные строчки про мед и светильники [*4]. Артистам так понравилось играть, что они повторили свою пьеску три раза с начала до конца, и только тогда уселись на мягкую траву в центре Кольца, чтобы съесть яйца и булочки. Именно в этот момент из зарослей ольхи у берега послышался свист. Дети вскочили.

Кусты раздвинулись. На том самом месте, где Дан изображал Пака, дети увидели маленького, коричневого, широкоплечего человечка с торчащими ушами, курносый нос, косыми голубыми глазами и смеющимся лицом. Он заслонил лицо от солнца, как будто наблюдал за Основой и другими героями Шекспира, и низким голосом (именно таким голосом три коровы просят, чтобы их подоили), начал:

Что здесь за сброд мужланов расшумелся

Так близко от царицы? Ба, тут пьеса!

Он остановился, приложил руку к уху и, подмигнув, продолжал:

Ну что ж, я буду зрителем у них,

При случае, быть может, и актером [*5].

Дети смотрели, затаив дыхание. Маленькое существо – оно было Дану по плечо – спокойно шагнуло в Кольцо.

– Я давно уже не практиковался, но мою роль надо играть именно так.

Дети никак не могли оторвать от него глаз, разглядывая с головы до ног – от темно-синей шапочки, похожей на большой цветок, до голых, покрытых шерстью ног. Наконец он рассмеялся.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так. Вы же сами меня вызвали. Кого же еще вы ожидали?

– Мы никого не ожидали. Эта земля наша.

– Ваша? – переспросил пришелец, опускаясь на траву. – Тогда зачем же вы играли "Сон в летнюю ночь" три раза подряд, именно в Иванов день, именно в центре Кольца и рядом, совсем рядом с одним из принадлежащих мне холмов в Старой Англии? Вот холмы Пука – они же и есть холмы Пака, мои холмы. Это же ясно как дважды два! Смотрите!

Он указал на голый, покрытый папоротником склон холма Пука, который начинался сразу за ручьем. Дальше склон терялся в лесу, а за лесом поднимался Маячный холм. Он достигал высоты пятисот футов [*6] и был увенчан голой вершиной, оттуда просматривались долина Певнсей [*7], Британский канал [*8] и почти вся южная часть голых холмов Даунс [*9].

– Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником! – продолжал Пак, все еще смеясь. – Если бы кто-то сыграл так несколько сотен лет назад, то все Жители Холмов высыпали бы на эту лужайку, как пчелы в июне.

– Мы не знали, что этого нельзя делать, – сказал Дан.

– Нельзя! – Маленький человечек прямо затрясся от смеха. – Совсем наоборот! В старые времена короли, рыцари и мудрецы отдали бы все свои короны, копья и мудрые книги, чтобы узнать, как сделать то, что сделали вы. Если бы вам помогал сам волшебник Мерлин [*10], у вас не могло бы получиться лучше. Вы открыли Холмы! Вы открыли Холмы! Такого не случалось тысячу лет!

– Мы... мы не нарочно, – сказала Юна.

– Конечно, не нарочно! Именно поэтому у вас и получилось. К несчастью, холмы сейчас пусты, все их жители ушли. Я один остался. Я – Пак, самый древний в Англии Житель Холмов, или Древнец, к вашим услугам. Конечно, если вы этого хотите. Ну, а если нет, то вы только скажите, и я сразу уйду.

Прошло добрых полминуты, а Пак все смотрел на детей, не отводя глаз и не мигая, а дети смотрели на него. Взгляд у Пака был добрый, а губы вот-вот готовы были растянуться в улыбку.

Юна первой протянула ему руку.

– Не уходи, – сказала она. – Ты нам нравишься.

– Угощайся! – предложил Дан, протягивая мятый пакет с яйцами.

– Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, вы мне тоже нравитесь! – вскричал Пак, срывая с головы свою голубую шапочку. – Посып–ка мне

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

булочку солью, Дан, и я поем вместе с вами. Тогда увидите, каков я. Некоторые из нас, – продолжал Пак уже с набитым ртом, – не выносят или соли, или подков, висящих над дверьми, или ягод рябины, или текучих вод, или холодного железа, или звука церковных колоколов. Я же ничего не боюсь! Ведь я Пак!

Он осторожно смахнул с себя крошки и вытер руки.

– Мы всегда считали, – начала, запинаясь, Юна, – что, если бы это когда-нибудь произошло, мы бы точно знали, что нам делать. Но сейчас все происходит совсем по-другому.

– Она имеет в виду встречу с волшебником, – пояснил Дан. – Я никогда в них особо не верил, с шести лет уж точно.

– А я верила, хотя и не очень, пока не выучила балладу Корбета "Прощайте, награды и феи" [*11]. Ты знаешь это стихотворение?

– Какое, вот это? – спросил Пак. Он отбросил назад свою большую голову и начал:

– Прощайте нынче, феи, –

Хозяйки говорят. –

Пусть чище ли, грязнее,

Но быть нам без наград.

Ведь, как бы ни мели они

Подхватывай, Юна!

В домах и во дворах,

Но кто монетки в наши дни

Находит в башмаках? [*12]

Эхо отдавалось со всех сторон маленькой лужайки.

– Конечно же, я это знаю, – сказал он.

– И потом там есть еще строчки про кольца, – сказал Дан. – Когда я был маленьким, мне от них всегда становилось не по себе.

Здесь кольца вековые, –

голос Пака звучал, как церковный орган, –

По ним в минувший срок

До дней Тюдор Марии [*13]

Ступало много ног.

Но со времен Элизабет [*14]

Пришли другие дни.

Фей в вересковом поле нет:

Навек ушли они.

Давно я не слышал этой песни, но к чему притворяться – это правда. Все Жители Холмов ушли. Я видел, как они пришли в Англию, я видел, и как они ее покинули. Великаны, тролли, водяные, домовые, гоблины, чертята, бесята, духи лесов, деревьев, земли и воды, эльфы, феи, русалки, гномы, карлики, колдуны, жители вереска, стражи холмов и хранители сокровищ, – все, все ушли. Если же говорить обо мне, то я пришел в Англию вместе с Дубом, Ясенем и Терновником и уйду тогда, когда исчезнут они.

Дан осмотрелся и у нижних ворот увидел дуб, посаженный Юной, ряд ясеней, склонившихся над Выдриной заводью, и старый сучковатый терновник, о который три коровы чесали себе шеи.

– Правильно, – сказал он. – Я этой осенью снова посажу много-много желудей.

– Так ты уже, наверно, ужасно старый, Пак, – сказала Юна.

– Совсем и не старый, а просто, как сказали бы здешние люди, долгожитель. Дай-ка я подсчитаю. Мои друзья выставляли мне по ночам тарелку со сливками еще когда Стоунхендж [*15] был только построен. Да, это было раньше, чем люди каменного века вырыли пруд для сбора дождевых вод ниже Чанктобери [*16].

– О! – воскликнула Юна, захлопав в ладоши и закивав головой.

– Она что-то придумала, – объяснил Дан. – Она всегда так делает, когда что-нибудь придумывает.

– Послушай, а что, если мы будем оставлять тебе немного каши и класть ее на чердак? Ведь если мы оставим ее в детской, то взрослые заметят.

– В классной комнате, – быстро поправил Дан, и Юна вся вспыхнула, потому что этим летом они заключили торжественный договор: впредь называть детскую комнату классной.

– Спасибо, у тебя золотое сердце. Из тебя вырастет хорошая, добрая девушка. Но я действительно не хочу, чтобы мне ставили тарелки. Вот если у меня когда-нибудь не будет куска хлеба, то я обязательно попрошу у тебя.

Пак растянулся во всю длину на сухой траве, и дети разлеглись рядом с ним, счастливо покачивая в воздухе голыми пятками. Они почувствовали, что бояться Пака можно не больше, чем их друга, старого Хобдена-пасечника. Пак не приставал к ним с разными взрослыми вопросами, не смеялся над бумажной ослиной головой, а лежал и чему-то про себя улыбался.

– У вас есть с собой нож? – спросил он наконец.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Дан протянул ему свой большой садовый нож, и Пак начал вырезать кусок земли прямо из центра Кольца.

– А это для чего? Для колдовства? – спросила Юна, когда Пак вырезал кусок шоколадного чернозема, – он резался легко, словно сыр.

– Да, для одного маленького колдовства, – ответил Пак и вырезал второй квадрат. – Понимаете, я не могу провести вас внутрь холмов, потому что все их жители оттуда ушли. Но если вы захотите вступить в законное владение этой землей, я смогу сделать, что вы увидите нечто такое, чего никому из людей увидеть невозможно.

– А что значит "вступить во владение"? – осторожно спросил Дан.

– Это старый обычай,

им люди пользовались, когда покупали или продавали землю. Они вырезали ком земли и вручали ее покупателю, и он не вступал в законное владение этой землей – она ему просто не принадлежала, – пока продающий человек на самом деле не вручал ему куска – вот так.

И Пак протянул детям вырезанный дерн.

– Но это и так наша собственная земля, – сказал Дан, отступая назад. – Уж не собираешься ли ты ее от нас отколдовать?

Пак рассмеялся:

– Я знаю, что она ваша, но дело в том, что эта земля заключает в себе нечто такое, о чем вы с вашим отцом и представления не имеете. Ну-ка возьми!

Он повернулся к Юне.

– Сейчас возьму, – сказала девочка. Дан тут же последовал ее примеру.

– Вы двое вступили в законные права по владению всей Старой Англией, – начал Пак нараспев. – Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, отныне вы вправе ходить, бродить, смотреть и знать обо всем, что я вам покажу и что вам захочется посмотреть самим. Вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, хотя все это произошло три тысячи лет назад. И вы не будете ведать ни страха, ни сомнения. Крепче держите все, что я вам даю!

Дети закрыли глаза, но ничего не случилось.

– И все? – разочарованно спросила Юна, раскрыв глаза. – Я думала, сейчас явятся драконы.

– Нет, – сказал Пак, подсчитав что-то на пальцах. – Хотя это и произошло три тысячи лет назад, боюсь, драконов тогда уже не было.

– Но ведь совсем ничего не случилось! – воскликнул Дан.

– Обождите немного. Дуб за год не вырастает, а Старая Англия старше двадцати поколений дубов. Давайте сядем и подумаем. Я могу так сидеть и думать хоть сто лет подряд.

– Ну, так ведь ты волшебник, – сказал Дан.

– А ты хоть раз слышал, чтобы я произнес это слово – волшебник? – мгновенно спросил Пак.

– Нет. Ты говоришь "Жители Холмов", но ни разу не сказал "волшебники", – ответила Юна. – Это меня удивляет. Тебе что, слово не нравится?

– Интересно, понравилось бы вам, если бы вас все время называли "смертные",

"существа из плоти и крови"? – спросил Пак. – Или "человеческие дети"?!

– Мне бы это совсем не понравилось, – ответил Дан. – Так разговаривают только джинны и африты [*17] в "Сказках тысячи и одной ночи".

– Вот и мне неприятно, когда говорят слово... ну, в общем, слово, которое я никогда не произношу. Кроме того, те, кого вы так называете, – существа выдуманные, о которых Жители Холмов никогда и не слыхивали: крошечные феи в марлевых платьицах, с сияющей звездой в волосах, с крылышками, как у бабочек, и напоминающей трость учителя волшебной палочкой, которой они наказывают плохих и награждают хороших. Знаю я их!

– Мы говорим не о них, – сказал Дан. – Этих мы тоже терпеть не можем.

– То-то же! Так разве удивительно, что Жители Холмов не очень-то любят, когда их путают с этими лживыми самозванцами с раскрашенными крыльями, сладкими речами на устах и размахивающими направо-налево волшебными палочками? Только представьте – крылья бабочек! А я видел, как сэр Хьюон, король фей, со своими людьми отправлялся, оседлав юго-западный ветер, из замка Тинтагль на волшебный остров Ги-Бразил. Брызги летели выше замка, и Лошади Холмов обезумели от страха. Они поднялись в безветрие, крича тоскливо, словно чайки, и их на добрых пять миль [*18] снесло в сторону земли, прежде чем им наконец удалось поймать нужный ветер. Крылья бабочек! Вот то было колдовство! Такое колдовство, сотворить которое мог только Мерлин! Все море полыхало зеленым огнем, среди летящей пены пели русалки, а Лошади Холмов при вспышках молний бешено носились по волнам. Так было в стародавние дни!

– Восхитительно! – сказал Дан, но Юна только поежилась.

– Я все же рада, что они ушли, – сказала девочка. – Только что же вынудило их сделать это?

– Причины были разные, – ответил Пак. – Но они исчезли не все сразу. Они уходили один за другим, много веков подряд. Большинство сами когда-то пришли в эту страну и плохо переносили здешний климат. Они ушли первыми.

– А давно это было? – спросил Дан.

– Две тысячи лет назад, может, и больше. Дело в том, что сначала они были богами. Некоторых привезли финикийцы [*19], приезжавшие сюда покупать олово. Все, кто здесь высаживался – галлы [*20], юты, фризы, англы [*21], датчане[*22], – привозили все новых и новых богов. В те годы здесь постоянно кто-то высаживался, хотя иногда пришельцев и прогоняли обратно к их кораблям, и все они привозили с собой новых богов. Но в Англии богам жить плохо. Если же говорить обо мне, я сразу решил остаться здесь навсегда. Съесть тарелочку каши, выпить блюдечко молока да немного пошутить с кем-нибудь из деревенских – этого мне хватало и в прежние времена, хватает и сейчас. Понимаете, я ведь здешний и всю жизнь провел вместе с людьми. А многие другие требовали, чтобы их считали богами, чтобы им строили храмы и приносили жертвоприношения.

– Это когда людей сжигают в плетеных корзинках? – спросил Дан. – Мисс Блейк нам рассказывала.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Жертвоприношения бывают разные, – ответил Пак. – Если в жертву приносили не людей, то коров, лошадей, свиней или метеглин – такое вязкое, сладковатое пиво. Мне никогда не нравились жертвоприношения. Но они, эти Древнецы, упрямые, сумасбродные идола. И что же получилось? Даже в лучшие для них времена людям не нравилось, когда их самих приносили в жертву. Они жалели даже своих лошадей.

Постепенно люди просто отказались от своих древних богов: крыши их храмов провалились, а им самим пришлось удирать и зарабатывать себе на пропитание кто как может. Некоторые из них стали по ночам прятаться среди ветвей и издавать страшные стоны. Если они стонали достаточно долго и достаточно громко, им удавалось запугать какого-нибудь бедного крестьянина и заставить его пожертвовать курицу или кусочек масла. Я помню одну богиню по имени Белисама. Она стала самым обыкновенным Духом Воды. И таких знакомых у меня были сотни. Сначала они были богами, потом стали Жителями Холмов, а позднее разбежались кто куда, в самые разные места, потому что по той или иной причине никто из них не мог ужиться в Англии. Мне помнится, был только один из древних богов; он честно зарабатывал свой хлеб после того, как спустился с небес на землю. Звали его Виланд [*23], он был кузнецом каких-то важных богов, я забыл их имена, и ковал им копья и мечи. Кажется, он говорил, что является родственником скандинавскому богу Тору [*24].

– Тору из книги "Герои Асгарда"?[*25] – спросила Юна. Она недавно читала об Асгарде, небесном селении верховных богов, асов.

– Возможно, – ответил Пак. – Как бы то ни было, когда пришли тяжелые времена, Виланд не стал ни воровать, ни попрошайничать. Он трудился, и я рад, что в свою очередь смог оказать ему услугу.

– Расскажи нам об этом, – попросил Дан.

– Я, пожалуй, с удовольствием послушал бы об этих древних богах.

Дети устроились на земле поудобней, каждый жевал какую-то травинку. Пак оперся на свою сильную руку и продолжал:

– Дайте подумать... Впервые я встретил Виланда в один из ноябрьских дней, во время сильной бури, в долине Певнсей...

– Певнсей? Вон там, за горой? – спросил Дан, указывая на юг.

– Да, но тогда там было сплошное болото, до самого Хосбриджа. Я находился на Маячном холме – тогда его называли Брунанбург, – когда неожиданно увидел в небе бледный отсвет от горящей соломы и поспешил посмотреть, что это. Какие-то пираты – наверно, люди Пеофна – подпалили в долине деревню, а на носу черной, только что вытащенной на песок тридцатидвухвесельной галеры пиратов лежал громадный черный идол, вырезанный из дерева, с янтарным ожерельем на шее – это был Виланд. Ну и холодина тогда стояла! С палубы свисали сосульки, на веслах блестел лед, лед лежал и на губах Виланда. Как только он меня увидел, сразу затянул длинную песню на каком-то своем языке. Он пел о том, как будет править всей Англией, как я буду видеть дым его алтарей от Линкольншира [*26] до острова Уайт[*27]. Но мне-то было все равно! Я видел уже очень многих, которые претендовали на всю Англию, но оставались ни с чем. Пока его люди сжигали деревню, я дал ему напиться, сколько влезет, а потом сказал, не знаю, как это произошло мне в голову: "О Кузнец Богов, придет время, и я еще встречу тебя у дороги, тяжелым трудом добывающего себе кусок хлеба".

– А что ответил Виланд? – спросила Юна. – Он рассердился?

– Он заругался, закатил глаза, а я отправился в глубь острова, предупредить жителей о приближении пиратов. Пираты тогда захватили всю страну, и на много веков Виланд сделался одним из самых главных богов. Его храмы были везде, от Линкольншира до острова Уайт, как он и предсказывал. А сколько он получал пожертвований! Их размеры были просто неприличны. Хотя надо отдать ему должное – он не любил, когда ему жертвовали людей, ему больше нравились лошади. Но все равно, что бы там ему ни жертвовали, я знал: ему еще придется спуститься с небес на землю, – так же как и всем древним богам. Я дал ему уйму времени – что-то около тысячи лет, – после чего пришел в один из его храмов посмотреть, как обстоят дела. В храме стоял алтарь, на нем возвышался идол – изображение Виланда, а вокруг стояли жрецы и верующие. Все казались совершенно счастливыми, кроме самого Виланда и его жрецов. То ли бывало в прежние времена! Тогда ни один человек не чувствовал себя в безопасности, пока жрецы не избирали себе жертву [*28]. И вы испугались бы на их месте. Но вот началась служба. Жрец схватил какого-то человека, потащил его к алтарю и сделал вид, что бьет по голове маленьким позолоченным топориком, а человек упал и притворился мертвым. Все закричали: "Жертва Виланду! Жертва Виланду!"

– Так человек не был на самом деле мертвым? – спросила Юна.

– Ничуть. Все было сплошное притворство, как в игре в куклы. Потом привели прекрасного белого коня, и жрец, отрезав несколько волосков от его хвоста и гривы, сжег их над алтарем, громко крича: "Жертва! Жертва!" Считалось, что и человек и лошадь убиты. Сквозь дым я видел лицо бедняги Виланда и едва удержался от смеха. Он выглядел таким сердитым и голодным: ведь ему пришлось довольствоваться лишь противным запахом паленого волоса. Ну точно игра в куклы!

Я решил пока ничего ему не говорить, это было бы нечестно, а когда пришел туда в следующий раз – через несколько сотен лет, – то не нашел ни Виланда, ни его храма. Вместо храма там стояла церковь. Никто из Древнецов ничего о Виланде не слыхивал, и я подумал, что он покинул Англию.

Пак повернулся, оперся на другой локоть и надолго задумался.

– Давайте подсчитаем, – сказал он наконец. – Я вернулся к холму Пука лет, наверно, через пять – это было, пожалуй, за год-два до прихода Вильгельма Завоевателя [*29], – и случайно услышал, как старый Хобден рассказывает о каком-то броде Виланда.

– Если ты имеешь в виду старого Хобдена-пасечника, то ему только семьдесят два года, – сказал Дан. – Он сам говорил. Это наш близкий друг.

– Ты абсолютно прав, – ответил Пак. – То был прапра... ну, в общем, далекий предок вашего Хобдена. Он был свободный человек и работал угольщиком в местной кузне. Я так давно знаю эту семью, отцов и сыновей, что иногда даже путаюсь. Моего Хобдена звали Хоб из Дина, и он жил около кузницы. Я, конечно же, сразу наострил уши, когда услышал о Виланде, и поспешил через лес к названному броду, вон туда, за болото.

Он мотнул головой в сторону запада, где долина сужается между двумя поросшими лесом холмами.

– Ой, так там же Виллингфордский мост! – воскликнула Юна. – Мы туда часто ходим гулять, там живет пегий зимородок.

– В те времена, моя милая, это был всего-навсего брод Виланда. С вершины Маячного холма к нему вела дорога, она шла через дремучий дубовый лес – дубы стояли огромные, вековые – и в лесу водились олени. Виланда нигде не было ни видно, ни слышно, но вот под деревом я увидел старого толстого фермера, который, очевидно, только что спустился с Маячного холма. Его лошадь потеряла подкову, и поэтому он, добравшись до брода, слез с лошади, достал из кошелька пенни, положил его на камень, привязал свою старую лошадь к дубу и крикнул: "Эй ты, кузнец, тут есть для тебя работа!" После этого фермер сел на землю и заснул. Представьте себе, что я почувствовал, когда увидел, как старик кузнец в кожаном переднике медленно вылез из-за дерева и стал ковать лошадь. Это был Виланд – сгорбившийся, с большой белой бородой. Я был так изумлен, что подскочил к нему и крикнул: "Виланд! Что ты здесь делаешь?"

– Бедный Виланд, – вздохнула Юна.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Виланд отбросил со лба длинные волосы, он не сразу узнал меня, потом сказал: "Сам знаешь. Ты ведь предвидел это. Я зарабатываю себе на хлеб – кую лошадей. Меня сейчас зовут иначе – Вейланд–кузнец".

– Бедняжка! – сказал Дан. – Ну и что же ты ответил?

– А что я мог ответить? Он положил копыто лошади себе на колено и сказал, улыбаясь: "Было время, когда я не принял бы этот старый мешок с костями даже себе в жертву, а сейчас рад, что могу за пенни подковать кобылу".

"А разве ты не можешь отправиться обратно в Вальгаллу, на небо, в чертог павших в бою воинов, или откуда ты там пришел?" – спросил я.

"Боюсь, что нет", – ответил Виланд, соскабливая грязь с копыта.

Он умел прекрасно обходиться с лошадьми. Старая кобыла тихо ржала от удовольствия. "Ты, может быть, помнишь, что когда было мое время, когда я был в силе, я не слыл эдаким добреньким божком. И теперь я не могу обрести свободу, пока кто–нибудь из людей искренне не пожелает мне добра".

"Ну, так фермер обязательно это сделает. Ты ведь подковал ему лошадь, все четыре ноги..."

"Да, – ответил он, – и мои гвозди будут держать долго – от одной полной луны до другой. Но местные фермеры подобны местной глине – они такие же скользкие и холодные".

Вы не поверите, но когда фермер проснулся и увидел свою лошадь подкованной, он, даже не поблагодарив кузнеца, взял и уехал. Я так разозлился на хама, что тут же развернул его лошадь и прогнал ее вспять все три мили до вершины Маячного холма, чтобы научить старого невежу правилам учтивости.

– Так ты был невидим? – спросила Юна.

Пак мрачно кивнул.

– В те времена на вершине холма был сооружен маяк. Его всегда держали в готовности, чтобы зажечь сигнал, если в долине Певнсей высадятся французы. И вот вокруг этого маяка я водил и водил его лошадь всю ночь напролет. Фермер решил, что его околдовали, – и действительно, без колдовства не обошлось. Он начал молиться и кричать. Но мне было все равно! Из него христианин не лучше, чем из меня. Около четырех часов мы наконец увидели, что из монастыря, стоящего на вершине Маячного холма, идет молодой послушник.

– А кто такой послушник? – спросил Дан.

– Вообще–то, человек, который собирается стать монахом, но в те времена люди посылали своих сыновей в монастырь просто как в школу – учиться. Этот юноша каждый год по несколько месяцев проводил в монастыре во Франции, а в тот момент заканчивал учение здесь, в монастыре рядом с родным домом. Его звали Хью. В то утро он встал пораньше, чтобы половить рыбу в ручье. Его семья владела всей этой долиной. Услышав крики фермера, он подошел и спросил, что с ним. Тут фермер начал плести удивительные небылицы о ведьмах, колдунах и домовых, но я–то знал, что за всю ночь он не видел никого, кроме кролика да оленя. Жители Холмов ведут себя, как выдры: они показываются только тогда, когда захотят. Однако этот послушник был неглуп. Он посмотрел на копыта лошади, увидел новые подковы, подбитые так, как это умел делать один лишь Виланд. Он забивал гвозди особым способом, получившим название "заклепка Вейланда".

"Хм, – сказал Хью. – Где ты подковал лошадь?"

Сначала фермер не хотел говорить, потому что священники терпеть не могут, когда их прихожане имеют какие–либо дела с Древнецами. В конце концов он признался, что лошадь подкована Вейландом.

"А сколько ты ему заплатил?" – спросил Хью.

"Пенни", – мрачно ответил фермер.

"Это меньше, чем спросил бы кузнец–христианин, – заметил Хью. – Надеюсь, к пенни ты прибавил хотя бы "спасибо"".

"Нет, – ответил фермер. – Вейланд–кузнец – язычник".

"Язычник или нет, а ты воспользовался его помощью, и за всякую помощь должно платить благодарностью".

"Что? – вскричал фермер. Он был страшно зол, учтите, ведь все это время я продолжал водить его лошадь кругами. – Что ты говоришь, нахал! По–твоему выходит, надо говорить "спасибо" даже сатане, если он тебе поможет, да?"

"Хватит тут кричать и ругаться, – сказал послушник. – Иди назад к броду и поблагодари кузнеца, иначе тебе не поздоровится".

Фермер вынужден был ехать назад. Я вел лошадь, хотя меня, естественно, никто не видел, а послушник Хью шел рядом. Длинные полы его платья сбивали сверкающую росу, а удочка торчала вперед, словно копье. Когда мы достигли брода – а было еще пять часов утра, и под густыми дубами стоял туман, – фермер просто наотрез отказался говорить "спасибо". Он пригрозил пожаловаться настоятелю монастыря, что Хью хочет заставить его поклоняться языческим богам. Тут уж послушник не выдержал. Крикнув: "А ну слазь!", он схватил фермера за жирную ногу, сбросил его прямо на землю, и прежде чем тот смог подняться, с такой силой тряхнул его за загривок, как крысу, что фермер наконец прохрипел: "Спасибо тебе, Вейланд–кузнец".

– А Виланд все это видел? – спросил Дан.

– О да, и когда фермер глухо шлепнулся оземь, Виланд издал свой старый боевой клич. Он был доволен. Затем Хью повернулся к Виланду и сказал: "Эй, Кузнец Богов, мне стыдно за этого грубияна, но я благодарю тебя за все, что ты по доброте своей сделал для него и для других людей, и желаю тебе добра". Потом он взял свою удочку – сейчас она еще более походила на длинное копье – и зашагал прочь.

– А что же бедняга Виланд? – спросила Юна.

– Он засмеялся и закричал от радости, потому что наконец стал свободен и мог уйти. Но он был честный Древнец. Он сам зарабатывал себе на хлеб и хотел, прежде чем уйти, отплатить добром за добро. "Я сделаю этому юноше подарок, – сказал Виланд. – Подарок, который будет служить ему во всех уголках света, да и Старой Англии он послужит. Раздуй–ка мне мехи, дружок, пока я подыщу подходящий кусок железа. Последний раз беру я в руки молот".

И он выковал меч – темного металла, изгибающийся и переливающийся как волна, а я все раздувал мехи, пока Виланд работал. Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, это был действительно, скажу я вам, Кузнец Богов. Дважды он охлаждал меч в бегущей воде, а в третий раз охладил его в вечерней росе. Он положил его под луной и запел над ним руны, древние заклинания, а потом нанес пророческие руны–надписи на сам клинок. "Это, – сказал он мне, вытирая пот со лба, – лучший меч, который когда–либо делал Виланд. Даже его владелец никогда не узнает, насколько он хорош. Идем в монастырь".

Мы проникли в общую спальню, где почивали монахи, и нашли Хью. Виланд вложил ему в руку меч, и юноша, не просыпаясь, крепко сжал

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

его рукоять. Затем Виланд пошел в церковь при монастыре – войти вглубь он не осмелился и остановился на пороге –

и швырнул на пол все свои кузнечные принадлежности: молот, щипцы, рашпиль, – чтобы показать, что он покончил с делом навсегда. Грохот раздался такой, будто упали рыцарские доспехи. Сразу же сбежались сонные монахи, решившие, что на монастырь напали французы. Первым примчался Хью, размахивая боевым мечом и выкрикивая саксонские боевые кличи. Увидев кузнечные инструменты, все были сбиты с толку и ничего не могли понять, пока послушник не попросил разрешения говорить и не рассказал всем, как он поступил с фермером, что он пожелал Вейланду–кузнецу и как потом он нашел на своей кровати замечательный меч с древними рунами.

Сначала аббат покачал головой, но потом рассмеялся и сказал нашему послушнику: "Сын мой Хью, я и сам знал, без всяких знаков от языческих богов, что ты никогда не станешь монахом. Бери свой меч, и храни свой меч, и не расставайся со своим мечом, и будь так же добр, как ты силен и внимателен к людям. А инструмент Виланда мы повесим перед алтарем, потому что, кем бы этот Кузнец Богов ни был в прошлом, мы знаем, что он честно зарабатывал свой хлеб и тем приносил нам пользу". Потом все снова отправились спать, все, кроме Хью; юноша сидел во дворе, играя с мечом. У выхода мы с Виландом расстались. "Прощай, – сказал он. – Ты остался по праву. Ты видел, как я пришел в Англию, теперь ты видишь, как я ухожу. Прощай же!"

И он побрел вниз, туда, где начинается большой лес, – это место вы называете лесной опушкой. Именно там он когда-то высадился. Некоторое время было слышно, как он пробирается сквозь густые заросли к Хосбриджу, затем все стихло. Он ушел. Вот так это случилось. Я сам все видел.

Дети надолго затаили дыхание.

– А что стало с послушником Хью? – спросила Юна.

– А с мечом? – спросил Дан.

Пак осмотрел лужайку; она лежала в тени холма Пука, в покое и прохладе. Где-то рядом пронзительно кричал коростель, а в ручье начали прыгать маленькие форельки. Из ольшаника, нервно махая крыльями, прилетел большой белый мотылек и стал кружить над головами детей, а над ручьем появилась легкая дымка тумана.

– Вам это действительно интересно? – спросил Пак.

– Да, да! – дружно крикнули дети. – Ужасно интересно.

– Очень хорошо. Я обещал вам, что вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, хотя это и произошло три тысячи лет назад, но в данный момент мне кажется, что, если вы сейчас же не вернетесь домой, вас начнут искать. Я провожу вас до ворот.

– Ты еще придешь сюда, когда мы будем здесь? – спросили дети.

– Конечно, ну конечно, – ответил Пак. – Я, видите ли, уже бывал здесь раньше. Пожалуйста, подождите минутку.

Он дал им каждому по три листа – Дуба, Ясеня и Терновника.

– Пожуйте их, – сказал он. – Иначе дома вы расскажете о том, что видели и слышали, а насколько я знаю взрослых, они тут же пошлют за доктором. Кусайте же листья!

Дети откусили.

Примечания:

1. Дословный перевод названия пьесы Шекспира – "Сон в ночь накануне Иванова дня", дня летнего солнцестояния, древнего праздника. В этот день якобы особенно сильны волшебные силы. Пак, лесной дух, один из главных героев пьесы.

2. Ткач Ник Основа – герой комедии Шекспира. Основа и его друзья репетировали в лесу пьесу, когда появился Пак.

3. Каменные кольца диаметром в 15 – 20 метров встречаются в Англии довольно часто. Они были сооружены в далекую эпоху неолита.

4. Имеются в виду следующие строки Шекспира:

Кормите виноградом, ежевикой,

Берите мед ему от пчелки дикой,

А из пчелиных лапок восковых

Наделайте светильников ночных.

(Перевод Т. Щепкиной–Куперник)

5. С этими словами в пьесе появляется Пак.

6. Фут – английская единица длины, около 30 сантиметров.

7. В долине Певнсей, графство Сассекс, произошла высадка войск Вильгельма Завоевателя (смотри примечание 29).

8. Британский канал, или Ла–Манш, – пролив между Англией и Францией. Ширина в самом узком месте – 32 километра.

9. Холмы Даунс – цепь известковых холмов в Юго–восточной Англии.

10. Мерлин – волшебник и мудрец, герой легенд о Рыцарях Круглого Стола.

11. Из этой баллады Киплинг взял название своего сборника "Награды и феи".

12. Имеется в виду, что хороших детей феи вознаграждают.

13. Мария Тюдор – королева Англии (1553 – 1558 гг.).

14. Елизавета I Тюдор – королева Англии (1558 – 1603 гг.).

15. Стоунхендж – постройка второго тысячелетия до нашей эры, близ города Солсбери (Англия). Земляные валы, огромные каменные плиты и столбы образуют концентрические круги. Некоторые ученые считают ее древней астрономической обсерваторией.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

16. Чанктобери – местечко в графстве Сассекс.

17. Джинны и африты – в арабской мифологии могущественные злые духи.

18. Миля – английская единица длины, равная 1609 метрам.

19. Финикийцы – жители древней страны на восточном побережье Средиземного моря. Торговали с Британией.

20. Галлы – племя кельтов, жило на территории современной Франции. В I веке до нашей эры завоеваны римским полководцем Юлием Цезарем. Образовали провинцию Галлия.

21. Юты, фризы, англы – германские племена. Вместе с племенем саксов захватили в V веке Британские острова и подчинили живших там бриттов (имя этого племени дало название страны – "Британия". От имени англов произошло название "Англия").

22. Датчане – одно из скандинавских племен норманнов, или викингов, совершавших в VIII – XI веках набеги на страны Западной Европы, в том числе и на Англию. В IX – XI веках датчане захватили северо-восточную часть страны, получившую название "область датского права". К середине XI века Англия обрела независимость.

23. В английском фольклоре существует легенда скандинавского происхождения о волшебном кузнеце–невидимке Виланде.

24. Тор – в германо–скандинавской мифологии – бог грома, молнии и бури, из рода асов. Второй по значению бог после Одина (смотри примечания 57 и 58).

25. Книга "Герои Асгарда", в которой пересказываются скандинавские мифы, написана в 1857 году сестрами Кери, Элизой и Энн.

26. Линкольншир – графство в Восточной Англии.

27. Остров Уайт находится в проливе Ла–Манш.

28. Жрец мог выбрать в качестве жертвы любого из присутствующих.

29. В 1066 году Англия была завоевана франконормандскими феодалами, их глава Вильгельм Завоеватель стал королем Англии. Нормандия – историческая область на территории современной Франции.